

Моему мужу Томеку —
чтобы мы не забывали,
что черешни должны расти парами,
чтобы жизнь имела смысл.
Остальное расскажу тебе лично...

Моим детям Лилианне и Матеушу —
не забывайте, что вы есть друг у друга.
А вместе легче, чем в одиночку.

Люблю вас

Пролог

Иногда человек не осознает, что самые, казалось бы, незначительные решения могут повлиять на всю его дальнейшую жизнь. От того, сделаем мы шаг влево или шаг вправо, будет зависеть, кем мы станем в будущем, какими вырастут наши дети и даже то, встретим мы счастье или наш путь будет усыпан разочарованиями.

Один маленький шаг.

Иногда мы сожалеем о своем жизненном выборе, задаемся вопросом «что бы было, если бы?». Нам кажется, что мы были бы счастливее, если бы в свое время выбрали другой путь, встретили других людей, и все в нашей жизни сложилось бы по-другому. Только где гарантия, что это другое мы назвали бы «счастьем»?

Если бы еще несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что я буду владеть собственным особняком, что буду сидеть на его ступенях в объятиях любимого человека, я бы не поверила. Потому что тогда у меня был такой период, когда хотелось идти по жизни в одиночку, когда главным для меня было, чтобы никто не мешал. Но если бы меня тогда спросили, как я представляю себе свое будущее (естественно, счастливое!), я навер-

няка рассказала бы о совсем другом мужчине и о совсем другом доме.

Была бы я счастлива в том, другом доме с тем, другим женщиной? Не знаю. Вполне возможно. Ведь житейское счастье — это во многом привычка. Но, зная то, что знаю теперь, я ничуть не жалею, что жизнь иногда относилась ко мне неласково, да что там неласково, прямо скажем — жестоко. Теперь все царапины, ссадины и ушибы, которыми наградила меня судьба, все следы, которые оставила на моей психике ее железная пята, складываются в прекрасную мозаику окружающего меня мира.

Когда я смотрю на свой сад и на цветущие фруктовые деревья, я вспоминаю слова одного старичка-садовника, которого больше нет на этом свете, но который навсегда остался в моем сердце.

«Черешни растут только парами», — сказал он давным-давно. Тогда я задумалась над его словами и поняла, что жизнь — это прежде всего отношения между людьми и что наше будущее зависит от того, кто с нами рядом.

*

Прохладный весенний вечер. Только что прошел дождь. Закутанная в огромный вязаный плед цвета морской волны, — моря, по которому иногда скучаю, — я сижу на крыльце своего дома и вдыхаю аромат розы, которая недавно расцвела в моем саду.

Впервые увидев этот куст, я не думала, что когда-нибудь его соцветия будут улаживать мои чувства. А они очень даже улаживают. И напоминают о прошлых днях — не только о совсем недавних событиях в моей жизни, но и о далеком прошлом этого места и о людях,

без которых меня бы не было здесь, на этом крыльце моей любимой старой виллы.

Я сидела на крыльце и улыбалась, исполненная благодарности миру за то, что у меня есть. Потому что у меня было все, о чем я когда-либо просила судьбу. На протяжении моего жизненного пути бывало по-разному, но теперь, когда сижу укутанная теплом синего пледа и воспоминаний, я чувствую себя самой счастливой.

Роза расцветает каждый год в один и тот же день. Как будто специально для меня. Откуда я знаю, что специально для меня? А вот знаю. И про это будет моя история.

Часть первая

ЗОФЬЯ

Будущее всегда немного неопределенно. Любая мелочь, как упавшая снежинка или оброненная ложка, может направить будущее на совершенно иной путь... Или нет.

Терри Пратчетт. Господин Зима

1

Всю мою взрослую жизнь определил один-единственный прогул в восьмом классе начальной школы*. Удивительно, правда?

Если бы кто-то сказал мне тогда, что от того, пойду я играть в бутылочку на дачных участках гданьского приморья или не пойду, будет зависеть моя дальнейшая жизнь, я бы не поверила. Ведь мне как казалось: на жизнь влияют только какие-то очень важные, судьбоносные решения, а не такие — типа кофе или чай ты возьмешь в кафе или рванешь вместе со всеми с урока, чтобы класс, который ты всем сердцем ненавидишь, перестал, наконец, считать тебя ботаником и начал относиться к тебе как к равной. Равной себе девушке, которая такая храбрая, что даже готова прогулять школу, невзирая на последствия. И неважно, что это

* В Польше дети идут в школу в 7 лет и учатся 12 лет — 8 лет в школе, которую называют «начальной», а потом, если сдадут экзамены, еще 4 года, но уже в лицее, по итогам учебы в котором сдают экзамен на аттестат зрелости. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

был как раз «день прогульщика», охватывающий своим психозом целые классы, и что практически все ученики сбежали с уроков, а важно то, что лично мне это решение далось очень нелегко. Когда я выходила из школы, немного ссутулившись, чтобы меня не заметили, я почувствовала на себе взгляд математички. Та наверняка жалела меня. Да и сама я чувствовала, что делаю что-то неправильное. Но мне хотелось быть пусть даже не крутой, но хотя бы такой, как все. Я хотела громко смеяться и играть в бутылочку в паршивом деревянном домике на дачном участке. О том, что домик паршивый, я еще не знала. Я надеялась, что этот один мой смелый выход позволит мне, что называется, влиться в коллектив, что ко мне станут нормально относиться, приглашать на дни рождения и брать в команду на физре.

Надоело мне быть белой вороной — отличницей, играющей на пианино и читающей стихи на утренниках, — вот я и прибилась к гогочущей, как стая прилетевших с зимовки птиц, группе одноклассников. Мне тогда нравился Кшиштоф. И рванула я со всеми, думаю, из-за него. Теперь, конечно, не жалею, что так поступила, но были времена, когда я была готова на все, чтобы повернуть время вспять и остаться в тот день в школе. Но не осталась, а вышла с деланной улыбкой на лице, стараясь попеть за одноклассниками. Было ли это круто? Не знаю. Скорее всего — нет.

Кто живет у моря, знает — то солнце, а то вдруг дождь. Вот и у нас пошел дождь, и мы, промокшие, поспешили укрыться от надвигающегося ливня. В домике было темно, душно. Непонятно откуда появились сигареты, и мне стало трудно дышать.

— Ну что, Зося, попробуешь? — спросил Кшиштоф. Я покачала головой.

Кто-то фыркнул.

— Зофья Краснопольская? Еще спрашиваешь, эта не отважится!

— Дай. — Я протянула руку за сигаретой, которая своим переходящим красным огоньком уже отметила почти всех присутствовавших.

— Да ладно. — Кшиштоф перехватил протянутую мне сигарету.

— Вы только посмотрите: у нашей Мисс Порядочность нашлись защитники! — воскликнула Анка.

— Я не нуждаюсь в защитниках, — сказала я и сделала затяжку, не подозревая, что у меня получится. Получилось, но в глазах потемнело, и я почувствовала, что не могу дышать. Ну и что в этом такого приятного? Приступ кашля взорвал мои легкие.

— Я же говорила: Мисс Порядочность... ничего не умеет... — Анка пожала плечами и тоже затянулась сигаретой, но не закашлялась.

— Мне пора, — сказала я.

— Только не вздумай возвращаться в школу! — крикнула мне вслед Анка. — А то еще, чего доброго, нас заложит.

Она сказала это не мне, но я все равно расслышала.

— Да не вернется она, — сказал Кшиштоф.

— Не вернусь! — крикнула я уходя.

Действительно, как я могла вернуться в школу? И что бы я тогда сказала? А впрочем, вернись я в школу, мне и говорить-то ничего не потребовалось бы. От меня воняло дешевыми сигаретами и сыростью дачной хибары, которую с осени никто не проветривал. Изо всех сил я пнула камень, лежавший на дороге. Почему я стремилась подчиняться? Почему мне так хотелось подстроиться под компанию, которая совершенно меня не устраивала? Может быть, потому, что чувствовала себя одинокой? У меня не было подруги. Девчонки сби-

вались в группки, а я стояла всегда в стороне. А дома? Дома я тоже была одна. Родители всегда были заняты, находили время только на то, чтобы отвести меня на дополнительный английский или уроки фортепиано. Я ненавидела все это. И английский, и пианино.

— Это для твоего же блага, — говорила мама. — Когда-нибудь ты скажешь нам за это спасибо.

Спасибо? За то, что, когда другие играли в вышибалы во дворе, я играла гаммы на пианино? Хорошо, что все обошлось только пианино. Ведь в доме был еще и аккордеон. И в самом начале думали отдать меня на аккордеон.

У меня не было никаких обязанностей, кроме пианино, английского и школы. Да, школа в нашей семье была возведена в культ. Я была обязана приносить одни пятерки. Когда я получала пятерку с минусом, мама устремляла на меня взгляд прищуренных глаз, сжимала губы и нервно выстукивала ногой ей одной известный ритм. Она могла ничего не говорить. Хватало одного этого взгляда. Поэтому я редко приносила пятерки с минусом.

— Эй, отличница! — дразнили меня.

Я не была зубрилой, просто учеба давалась мне легко: достаточно было пару раз прочитать материал — и я уже его знала. Я не хотела создавать проблемы дома. Однажды я принесла трояк. По физике. Мама не разговаривала со мной весь день. А папа ворчал, что они с матерью наизнанку выворачиваются, но есть в семье одна неблагодарная...

Разве я была неблагодарной? Нет. А как мне показать, что я как раз «благодарная»? Села за пианино и весь день, как проклятая, играла гаммы.

Когда в тот день вместе со всеми сбежала с уроков, я все время думала о стиснутых губах моей мамы, о ноге, выстукивающей одной ей известный такт, и о моей чер-

ной неблагодарности к родителям, которые наизнанку выворачиваются. Господи! Ведь мне всего-то хотелось почувствовать, как это — быть с кем-то. Не одиночкой. Я хотела побывать частью группы. Одной из них. Одной из тех, кто со смехом выбегает из школы.

Увы! Одной из них я так и не стала.

Почему? Потому что я была Зофьей Краснопольской — той, которая всегда подготовлена к уроку, у которой всегда сделано домашнее задание и которая выступает на торжественных вечерах. Той, у которой нет пятерок с минусом, и той, кто действительно плохо себя чувствует в затхлом помещении, полном дыма от дешевых сигарет. Я не могла сразу стать ими — Анкой, Кшиштофом, Гжесиком, Магдой или Себастьяном. Между нами была стена. Стена, которую долго возводили мои родители, изо всех сил желавшие, чтобы я как можно дальше продвинулась в этой жизни, выше вскарабкалась в построенной ими иерархии. Во всяком случае, дальше и выше, чем они. Может, они думали, что, играя на пианино, я выиграю лучшую жизнь?

Ну а пока что я была очень одиноким ребенком. Ребенком, который нуждался в нежности, любви и присутствии другого человека. Такого, с которым можно просто быть собой.

*

Тот прогул не остался безнаказанным. К числу серьезных последствий можно отнести звонок родителям, взгляд моей мамы и ее ногу в черной лакированной «лодочке» на плоском каблукке, выбивающую дробь по полу в кабинете директора.

— Ты должна понести наказание, — сказала пани директор. — Но по поведению мы тебе оценку снижать не станем.

Уфф. Уже легче.

— Оценки по предметам тоже не будем снижать.

Уфф. Пронесло.

— Однако тебе придется потрудиться на общественных работах.

Я нахмурилась. Общественные работы были, как правило, связаны с уборкой мусора на школьном дворе, подметанием спортивной площадки и сгребанием листьев. Обычно вкалывал за всех самый слабый в классе — в то время как остальные сидели на траве и презрительно смотрели на него. Надо ли разъяснять, кто в моем классе был самым психологически слабым человеком?

— Я как раз подумывала об уборке площадки, — сказала пани директор, — но случилось так, что одна пани из числа верных друзей нашей школы вывихнула ногу. Думаю, ты могла бы ей помогать какое-то время. Ты будешь каждый день приносить ей обед из школьной столовой, делать покупки, вот так и придешь в себя.

Я в очередной раз вздохнула с облегчением. Понятно — я смогу что-то делать самостоятельно. Может, жизнь в группе — это не для меня? Может, зря я так хотела подстроиться под коллектив?

Я не ожидала, что отделаюсь так легко: зайти к пожилой даме, отнести обед, сделать покупки. Да ради бога, лишь бы не притворяться в кругу сверстников той, кем я не была. До конца начальной школы мне оставалось всего несколько месяцев. Потом я перешла в совсем другую школу в совсем другом районе. Туда, куда никто из моего класса не собирался идти. Я не могла дождаться новой жизни. У меня было ощущение, что я могу начать все сначала. С нуля. В новой школе никто не знал, какая я. Я могла быть кем только захочу. Я могла бы надеть маску кого-то другого или остаться собой. Потому что мне нравилось ходить по

своему собственному, хорошо известному мне пути, хотя иногда я от него отклонялась. И помогать пожилой пани мне было больше «по пути», чем подметать тротуар со сверстниками, не замечавшими моего существования.

*

Пани Стефания оказалась одним из самых важных людей в моей жизни. Может быть, потому, что появилась в моем мире, когда я действительно в этом очень нуждалась. Похоже, и она испытывала дефицит общения. Потом она говорила, что в тот день, когда я стояла на пороге ее дома, держа в руке термос с супом, она почувствовала, что к ней постучалось счастье... и надежда, что это счастье больше никогда ее не покинет. Но тогда я этого еще не знала.

*

Пани Стефании было за шестьдесят, жила она рядом со мной, в большом длинном доме, который из-за своей формы получил в народе прозвище «волна». Дом-волну построили в семидесятые годы — как временное решение жилищных проблем. А как известно, нет ничего более постоянного, чем временная постройка, — этот длинный изогнутый волной дом стоит и по сей день.*

Я жила в пятиэтажке напротив пани Стефании. «Волна» встала китайской стеной между мной и остальным миром. Вместо ласкающих взор пейзажей я была обречена смотреть на жизнь тысячи людей, которые то и дело выходили на свои балконы. Балкона пани Стефании из моих окон не было видно. Он был с другой стороны дома, прямо у арки, где росла большая плаку-

* Речь идет о типе многоквартирных домов, построенных в ряде польских городов и представляющих собой длинные здания, волнообразной линией тянущиеся вдоль всей улицы. Их изображения доступны в Сети (см. «фаловец»/«фаловец» или <https://www.wikiwand.com/pl/Falowiec>).

чая ива, которую ежегодно уродовали неумелым кронированием сотрудники службы городского озеленения.

Двухкомнатная квартира пани Стефании находилась на десятом этаже. С ее балкона был виден весь Гданьск. Вход в квартиру был с галереи, опоясывавшей дом наподобие балкона.

Тогда это была улица Лумумбы. Потом ее переименовали в Ягеллонскую. Когда-то я даже спрашивала отца, чем и кому помешал бедный Лумумба, что был лишен улицы своего имени, но все, что я узнала, так это то, что Лумумба — это какой-то чернокожий коммунист. Неважно, я не вдавалась в его биографию. Важно то, что на улице его имени находилась квартира, в которую я ходила с большим удовольствием более десяти лет моей жизни.

2

Я помню, как входила в это большое здание. Темная лестница, а внизу небольшой подвальчик с надписью «Прокат видеокассет». Теперь я лишь улыбаюсь, вспоминая это. Однако у меня в голове до сих пор эти пиратские кассеты, которые я начала брать напрокат, когда папа наконец купил видик. Я также помню, как прятала ото всех свой любимый фильм «Грязные танцы», потому что продавец решил, что название должно выглядеть потоварнее, и на кассете значилось так: «Крутейший секс». Если бы мои родители увидели у меня фильм с таким развратным названием, это закончилось бы семейным скандалом. Наверное, видик полетел бы в окно, а за ним и я. Хотя, может, и нет. Папа серьезно поговорил бы со мной. О, как я ненавидела эти разговоры!

Произнесенные тихим голосом слова «Зофья, подойди ко мне поближе» не предвещали ничего хорошего. Когда мой отец думал, что я вела себя неправильно, он приглашал меня «на беседу» к себе в комнату. Как же я завидовала тогда детям, которых просто шлепают по заднице, и на том конец воспитания! Мне же часто приходилось выслушивать нотации о неправильности моего поведения. Смотреть «Крутейший секс», тем более смотреть его по нескольку раз в месяц, играть на пианино *She's like the wind* вместо фортепианного концерта Шопена и изучать по ночам шаги в мамбе в то время, когда уже давно пора спать, — все это, безусловно, было неправильным.

*

Первый раз я пошла к пани Стефании сразу после уроков в один из апрельских понедельников. Я не то чтобы боялась, но некоторую напряженность испытывала. Подруги-доброхотки сообщили мне, что у такой старухи наверняка вонища и что я не выдержу. А как я могла не верить им, ведь они не раз бывали у «таких старух» и тоже носили им обеды.

Я заглянула в записку с адресом. Подъезд № 1. Я открыла тяжелую дверь, на десятый этаж забежала довольно быстро. Не скажу, что совсем легко, — с этим супом в гигантском термосе-судке, но я предпочла не пользоваться лифтом, который останавливался по собственному желанию где хотел, так что я рисковала остаться с супом в темноте, между небом и землей. Подруга, которая жила в доме-волне, рассказывала, как однажды ее вытаскивали через крохотный люк в крыше кабины, потому что лифт решил дальше не ехать.

Что ни говори, а лестница ломается реже, чем лифт. Тяжело дыша, стояла я перед дверью. Сначала позвони-

ла по домофону перед входом на галерею. Мне открыли, даже не спросив «Кто там?». Я вошла. Третья дверь была приоткрыта. Из-за нее выглянула улыбающаяся женщина. Я иначе представляла себе «старуху», которой должна была помогать. Меня встретила стройная, среднего роста, лет шестидесяти женщина. У нее были светлые, почти белые волосы, зачесанные за уши, а на носу очки в золотой оправе. Сквозь стекла на меня смотрели большие улыбающиеся глаза редкой синевы.

— Здравствуйте, — робко улыбнулась я. — Меня зовут Зофья Краснопольская, я принесла вам суп.

— Спасибо. Заходи, детка, — пригласила меня в дом хозяйка.

Я вошла в светлую квартиру с типичной планировкой для многих квартир в этом доме. Слева крошечная кухня, дальше — еще меньше — ванная и две довольно большие комнаты. И ничем противным не воняло. Совсем наоборот — по квартире разливался аромат ванили и шоколада. Понятно, что пани Стефания что-то пекла. Она ничуть не была похожа на человека, который нуждается в помощи. Ну да, она слегка прихрамывала, и все же создавалось впечатление, будто именно она могла позаботиться обо всех в мире.

— Бася вбила себе в голову, что я не в состоянии ничего приготовить, — покачала она головой. — А в столовой у них все такое недоделанное. Больше возни с тем, чтобы довести все это до ума, чем если бы я готовила сама. Но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Вот я и не смотрю. Просто доделаю суп, и мы поедим.

— Но я это вам принесла. Я не собираюсь обедать, — попыталась оправдаться я.

— А разве кто-то сказал «обедать»? Просто мы будем есть суп, а потом шоколадный торт. Я испекла его специально для тебя. Ко мне редко приходят гости. Я так рада, что ты захотела прийти.

Я не стала выводить пани Стефанию из заблуждения, что это не я захотела прийти, а что это мне как бы в наказание велели навестить ее.

Помню ту первую встречу. Мы проговорили долго. Обо всем и ни о чем. Потом я играла на пианино по слуху все мелодии из «Грязных танцев», а под конец пообещала, что принесу кассету и мы посмотрим ее вместе.

В тот день я впервые испытала странное ощущение: меня кто-то слушает! Кто-то интересуется не только тем, сделала ли я домашнее задание и занималась ли на пианино. Мне было приятно, что для кого-то, наконец, я оказалась достаточно интересным человеком, чтобы поговорить со мной. Для той пятнадцатилетней девочки, которой я тогда была, это оказалось очень важным.

3

Когда сегодня вспоминаю о пани Стефании — об этой маленькой женщине с огромным сердцем и великой душой, — я улыбаюсь. Когда я думаю о своем жизненном выборе, я знаю, что за каждым из моих решений стоит именно она. Она никогда ничего мне не навязывала, но умела задавать правильные вопросы. Ответ на них часто расширял мои горизонты и открывал мне глаза на мир.

Пани Стефания заметила, что я одарена по части искусства. Родители рано обнаружили мои музыкальные таланты, а о наличии у меня каких-то других способностей я даже не подозревала. Да и не было случая проявить себя в чем-то другом, нежели школьные утренники. Пани Стефания была кладезем идей. Не помню, что стало толчком к тому, что мы впервые с ней стали что-то делать вместе. У нее был большой дубовый сундук, полный разных сокровищ; он стоял прямо у окна,

и там она держала пряжу, ткани, трикотаж, аккуратно свернутые ленты и прекрасные кружева.

Она научила меня вязать на спицах, вязать крючком. Мы вышивали, шили. Мы даже сшили мне платье на мой выпускной.

— А какое бы ты хотела? — спросила она меня.

— Пани Стефания, я его уже придумала. Я мысленно вижу его, но в продаже такого нигде не встречала!

— Ты хорошо смотрела?

— Я была в нескольких магазинах. На Свентоянской в Гдыне, в центре Гданьска. У меня уже пропало желание ходить и искать.

— А ты нарисуй его, — попросила она.

— Ну, нарисую, и что — у меня нет такого волшебного карандаша, чтобы оно само сошло с рисунка, — улыбнулась я.

— Ошибаешься, у тебя есть главное, у тебя есть талант. Сошьем!

— Но, пани Стефания, я не умею так шить!

— Совместными усилиями справимся! — Она прошла в соседнюю комнату и принесла бумагу. — Рисуй. А потом решим, что и как.

*

Я просидела над этим проектом несколько дней. Пани Стефания морщилась, ворчала, указывала на ошибки, но в то же время хвалила интересные решения. Потом мы поехали на трамвае во Вжешч* — выбрать нужный материал. Я не могла дождаться, когда приступлю к шитью. Блестящий темно-синий. Немного кружев, которые мы вытащили из ее волшебного сундука, немного шифона. Мое платье должно быть самым красивым!

* Один из центральных районов Гданьска.

*

Всю радость испортила мама. С ней такое частенько случалось. Однажды я вернулась от пани Стефании (платье уже было скроено), и мама спросила, есть ли у меня платье для выпускного вечера.

— Мы совсем забыли о нем! — сказала она, не отрываясь от чтения какой-то научной книги, бросая на меня при этом взгляды. Сколько себя помню, она всегда могла делать несколько дел сразу.

— Зато я не забыла, — улыбнулась я и вытащила рисунок, который носила с собой уже неделю.

— Что это? — Она с неподдельным любопытством рассматривала рисунок.

— Мое платье, — ответила я.

— Ну, пока что я вижу всего лишь рисунок платья. А шить-то кто его будет?

— Я сама.

— Но, доченька, — озабоченно сказала мама. — Что с тобой? Ты ведь никогда такого платья не сошьешь!

Меня аж передернуло.

— Мама, я уже начала.

— Ну не знаю, — поморщилась она. — Смотри, чтобы нам потом в последнюю минуту не пришлось рыскать по магазинам в поисках чего-то приличного.

И тогда я пообещала себе, что мое платье будет самым красивым в мире. Я поклялась, что оно устроит всех. Маму, пани Стефанию, всех моих подруг и, наконец, — меня саму. Так оно и случилось. Мама очень удивилась, когда увидела его, — так удивилась, что даже лишилась дара речи и не похвалила меня. Но потом этот дар к ней вернулся, и я много раз слышала, как она хвасталась по телефону своим подругам:

— Ты представляешь, Ася, Зося сама сшила себе платье. Красивое — закачаешься! Верх такой кружев-

ной, приталенное, а низ — шифон. Выглядит как из лучшего ателье, — смеялась она. — Нет, ни швеею, ни даже дизайнером она не будет! Куда будет поступать? Ну, об этом еще рано говорить, ей еще четыре года учиться... А впрочем, куда может поступать девочка, если папа врач, мама врач? Придет время, и, если не поглупеет, — на медицинский. Хотя что-то там бормочет об архитектуре, ходит на занятия по рисунку, но это, думаю, несерьезно. Подождем. Думаю, ей там скоро надоест.

*

А когда пришло время поступать, мама никак не могла смириться с моим первым самостоятельным решением — архитектурным факультетом гданьской Политехники. Папе было, наверное, все равно, но мама надеялась, что я продолжу семейную врачебную традицию.

Долгие разговоры с пани Стефанией о том, чем я хотела бы заниматься в будущем, привели к тому, что я подала документы в политехнический институт... И в медицинский тоже. Ради душевного спокойствия. Чтобы иметь возможность как можно дольше откладывать разговор на тему учебы. А идти на экзамен я вообще не собиралась. Я не любила оставаться в проигрыше.

Пани Стефания организовала мне репетитора по рисованию, по истории искусства, а сама стала исключительным подспорьем для подготовки по теме «Портрет».

— Ладно, портрет у нас уже есть. В чем еще надо попрактиковаться?

— Еще натюрморт.

— Натюрморт? В переводе с французского «мертвая натура»? Для этого вряд ли сгложусь, дорогая, я пока еще слишком живая.

Я расхохоталась:

— И слава богу, чем дольше — тем лучше!

— Согласна!

Мне казалось, что пани Стефания всегда будет присутствовать в моем мире. Так оно и вышло. От нее осталось много портретов, рисованных карандашом, углем, написанных акварелью и маслом. Некоторые были оправлены в рамочку и висели на стене, а другие спрятаны в толстую темно-синюю папку.

В итоге — поступила на архитектуру с очень приличными баллами. Маме было трудно смириться с крушением ее мечты, но она нашла и в этом положительную сторону, о чем я узнала из ее телефонного разговора со своей подругой:

— Представляешь, Ася, она и здесь была лучшей, как всегда, как во всем... такой вот всесторонне развитый ребенок... Да, да, и на медицину ее тоже наверняка взяли бы, но не стану же я ей указывать, что ей делать. Она сама выбрала.

Я улыбнулась. «Всесторонне развитый ребенок». Я не сдавала на медицинский, даже не готовилась к сдаче. Мама, однако, должна была реализовать свои собственные мечты и планы. Все время она жила в слегка воображаемом мире. Она хотела меня видеть такой, какой себе представляла, а не такой, какой я была на самом деле.

*

В тот день, когда узнала, что поступила в Политехнический, я впервые в жизни пила настоящее шампанское.

— Я держала его для особых случаев, — сказала пани Стефания.

— Не жалко его сегодня пускать в ход?

— Деточка миленькая, а разве такого повода недостаточно? — спросила она. — Хорошая работа. Принимай поздравления! Открывай.

Громкий хлопок пробки. Мы рассмеялись. Вместо нашего еженедельного кофе мы пили шампанское из хрустальных бокалов.

— И как, нравится тебе? — спросила пани Стефания.

Я не знала, что ответить. По правде говоря, я не чувствовала разницы между ним и обычным игристым вином, которое мне довелось пить на Новый год.

— Очень нравится, — вежливо сказала я.

Пани Стефания взяла бокал.

— Больше всего радует ожидание. Самый прекрасный момент — непосредственно перед тем, как ты поднесешь бокал с этим драгоценным напитком ко рту. — Она взглянула на меня. — Вот точно так же и со всем остальным. Самое прекрасное — это момент ожидания чего-то замечательного. Это вовсе не значит, что его следует откладывать, но иногда так хочется растянуть время чудесного предвкушения. — Она задумалась. — Лишь бы не слишком долго!

*

Я не раз в жизни убеждалась, что слова пани Стефании имеют большое значение. Часто ожидание приносит больше эмоций, чем само событие, которое может даже оказаться разочарованием.

С пани Стефанией я пережила все важные для меня моменты. Всегда вместе. Конечно, сначала я шла к родителям, лаконично отчитывалась им в своих успехах, иногда потом слушала, как мама говорила по телефону, какая у нее замечательная дочь (почему она не могла сказать это мне?), я видела улыбку на лице моего постоянно молчаливого отца, а затем как можно скорее бежала к пани Стефании — рассказать ей все в подробностях.

Я не помню, чтобы она когда-либо была капризной или сварливой. Она с уважением относилась к моему

мнению и никогда не навязывала свое. Она также никогда не давала почувствовать, что мой выбор неудачен. Ну разве что за исключением одного «выбора» — Марека. И здесь я, казалось, понимала ее: все в жизни, можно сказать, наладилось, а тут появляется кто-то, с кем она будет вынуждена делить «свою Зосю». Но все оказалось совсем не так однозначно.

4

С Мареком я познакомилась вроде как случайно. Теперь я так не думаю. Ведь я должна была принять решение — надеть спортивный костюм, вставить наушники в уши и выйти из дома на пробежку. До моря было недалеко. Я двигалась вдоль своего квартала, прошла мимо торговых павильонов, перебежала улицу и была уже на лужайке, тропинки от которой вели через лес прямо к пляжу. Как только я добралась до леса, то почувствовала, что у меня за спиной кто-то есть. Краем глаза я увидела бегущего мужчину. Столько ходило разных слухов о том, что утром на пляже всякое может случиться.

Я прибавила ходу.

Бежавший за мной тоже ускорился. Я свернула в сторону леса. Может, не совсем разумно, но я хотела наконец убедиться, кто это — случайный бегун выбрал маршрут, похожий на мой, или же этот тип за мной охотится и может причинить мне вред. Мужчина тоже свернул. Я снова ускорила и почувствовала, что мне не хватает воздуха. Пришлось выбрать самый безопасный участок, и я рванула в сторону пирса в Бжезно. Там наверняка есть люди, открытое, несмотря на утро, кафе, будка с мороженым и напитками. Я чувствовала, что

не могу больше бежать, что должна остановиться и отдышаться, но мужчина продолжал преследовать меня.

Неимоверным усилием воли я добралась до пирса. Там фотографировалась группа немецких туристов. Мне резко полегчало — так резко, что силы тут же оставили меня. Тяжело дыша, я остановилась возле будки с напитками. Взглянула на часы. Рекорд всех времен. Секунду спустя рядом со мной остановился мой преследователь: встал и уставился на меня. Высокий, худощавый, улыбчивый. Нахальный.

— Ну ты задала темп! — сказал он и посмотрел на часы, вернее, на какое-то устройство у себя на руке, отражавшее все жизненные показатели.

— А не надо преследовать человека! — воскликнула я с упреком.

— Я просто искал компанию, хотел поговорить.

— Кто бы сомневался! А еще побить личный рекорд, — сказала я злорадно. — А заодно национальный, мировой или что-то в этом роде... — Я сердито взглянула на него. — Кажется, уже близко было к тому.

— Близко, — признался он. — Я не ожидал, что сегодня так выложусь. Может, кофе?

— А больше вам ничего? Может, еще искупаться в море?

— А что, неслабая идея, — улыбнулся он и протянул руку. — Марек меня зовут.

— Ладно, проехали... Я — Зося.

— Я уже несколько дней наблюдаю за тобой. Я еще раньше хотел заговорить.

Я пожала плечами:

— Ну и поговорил бы, а зачем преследовать, тем более в лесу?

— Мне было интересно, как быстро ты бегаешь, — улыбнулся он.

Тогда я была на последнем курсе, он был старше меня лет, может, на семь — десять, то есть для меня тогдашней разница приличная, и любой, кому за тридцать, казался мне тогда вообще стариком.

— Ну и чё, удовлетворил свой интерес? Быстро?

— Ну теперь-то я знаю, — засмеялся он. — А сегодня я планировал разговорный темп.

— Я тоже. Завтра я так побегу. — Я посмотрела на него. — Если, конечно, никто не будет меня преследовать.

— Завтра не будет, — твердо сказал он. — Точно.

*

Весь день я пыталась разгадать смысл его слов: его завтра вообще не будет на море или завтра он не будет за мной гоняться? Сегодня утром я еще убегала, а завтра мне уже хотелось с ним встретиться. Неожиданно для себя самой я улыбнулась при мысли, что смогу провести с ним следующий день.

Я думала, что холодным душем смою с себя эти мысли. К сожалению, не помогло.

На следующее утро я тоже вышла на пробежку. На всякий случай в то же самое время. Что скрывать: я надеялась увидеть его снова. Я определенно хотела этого.

Темп был довольно высокий. На этот раз я бежала без наушников, потому что хотела услышать его шаги прямо позади меня. Есть! Я с надеждой обернулась. Увы. За мной бежал паренек, которого я довольно часто встречала на лесных дорожках. Я приветственно махнула ему рукой и побежала на пляж.

— А значит, все-таки купание? — Марек вырос как из-под земли. Я была совершенно без понятия, как он оказался рядом со мной.

— А, это ты, привет, — улыбнулась я. — Какая встреча.

— Я же говорил, что буду. Просто я обещал, что не стану преследовать тебя.

— Точно, — подтвердила я.

— Ну так что, идем? — Он кивнул в сторону моря и стянул майку и шорты.

— Куда? Плавать? Ты с ума сошел?

— Вчера ты обещала.

— Кто, я? Ничего я не обещала! — рассмеялась я.

— Понятно, испугалась.

— Издеваешься надо мной? Ты просто придираешься к словам.

— Пока что, на первом свидании, только к словам. —

Он протянул мне руку, призывая окунуться в море.

Я вздохнула еще раз.

— Ладно, отвернись, — твердо потребовала я.

Он послушно повернулся ко мне спиной.

Я быстро сняла обувь, носки, легинсы и кофту, подумала, что мой спортивный топ легко может сойти за верхнюю часть купальника, и быстро побежала к морю. За спиной я услышала смех Марек. Он бежал за мной.

— Ух, холодная! — сказал он, погружаясь в воду.

— Чуток есть! — призналась я. — Не ожидала, что сегодня придется плавать в море. Но у меня всегда было желание окунуться.

— А у меня никогда! — сказал Марек.

— Тогда зачем ты это сделал?

— Это ты меня спровоцировала. — Он явно заигрывал со мной.

— Я?

— А кто начал раздеваться и прыгать в море? Я же должен был тебя спасти! Кроме того, я не мог допустить, чтобы ты утонула на нашем первом свидании.

— Невелика проблема — не было бы второго, вот и все! — рассмеялась я и поплыла к берегу.

Я вышла из воды. Мое нижнее белье не совсем годилось для плавания, и июньское утро было не из самых теплых. Стоя спиной к Мареку, я надела одежду поверх мокрого белья.

— Простудишься.

— Я быстро добегу до дома.

— Ну так что, будет второе? — спросил он, когда я уже собиралась уходить.

— Что «второе»?

— Свидание.

Я рассмеялась.

— А ты не дашь мне утонуть?

— Никогда в жизни.

— Подумаю. — Я вопросительно посмотрела на него, притоптала песок и веточкой написала свой номер телефона. — До встречи, — сказала я и побежала домой. Мне ничто не мешало. Ни мокрое белье, ни песок, который у меня был почти везде. Я бежала, словно меня несли крылья. Любовь? Тогда я этого еще не знала. Но я чувствовала, что меня ждут приятные минуты. Если бы я знала, что произойдет со мной потом, стала бы отвечать на его звонок? Теперь уверена, что стала бы. Однако раньше бывали моменты, когда я жалела о каждой минуте нашего знакомства.

*

Он позвонил в тот же день. Я как раз была у пани Стефании на обеде, как, впрочем, и каждую среду. Мы, как всегда, пили кофе из фарфоровых чашек, ели пирожные с кремом. Пани Стефания не хотела ничего слышать о диете бегуна или о здоровом питании.

— Самая здоровая пища, — сказала она, протягивая мне что-то очень вкусное на блюдечке с золотой каемкой.

Заварное пирожное со взбитыми сливками. Конечно, если бы оно было покупное, можно было бы его не есть, но ведь его сделала сама пани Стефания. А ей нельзя было отказать. Во всяком случае, я не смогла бы. Я знала ее уже так долго! Она заменяла мне бабушку, которой у меня никогда не было, и маму, с которой я не могла найти общий язык.

— Вот отведай сначала моего кофейку и моей выпечки, а потом расскажешь, что произошло! — сказала она, вытирая салфеткой крем с уголков рта.

— А что-то произошло? — спросила я.

— Я уже все знаю. Единственное, чего не знаю, — до кофе или после кофе ты расскажешь мне все.

— Пани Стефания! — сказала я с напускным недовольством. — От вас ничего не скроешь!

— Э-э-э, нет. Зрение, может быть, уже не то, а интуиция у меня есть, — подтвердила она. — Как его зовут? Ну чего зарделась?

Меня бросило в жар, и щеки, видимо, стали цвета свеклы.

— Ма... Марек, — заикнулась я.

— Красиво звучит. И это все?

Я покачала головой.

— Это как? Больше ничего? Чем занимается, фамилия, сколько лет?

— Я не знаю.

Пани Стефания была недовольна. Я рассказала ей о двух наших встречах, опустив эпизод совместного купания в Балтийском море в одном, можно сказать, исподнем. Я боялась, что это уже с самого начала настроит ее против Марека. А мне этого очень не хотелось.

— Прежде, чем мило улыбаться мужчине, и до того, как у тебя в животе начнут порхать бабочки, ты должна узнать о нем больше.

Я вежливо кивнула.

— Что, поздно уже? — улыбнулась пани Стефания.

Я пожала плечами.

— Поздно, — резюмировала она. — Иди ко мне, дитя мое, я обниму тебя, потому что скоро это будет делать кто-то другой.

Я села рядом с ней и положила голову ей на колени. Пани Стефания всегда была моей опорой.

Марек позвонил, когда я собиралась домой. Мы договорились на вечер. Пани Стефания качала головой.

— Не стоит мужчине сразу показывать трусики, — пробормотала она.

— А я и не собираюсь показывать ему трусы, пани Стефания!

Действительно — тем более что их он уже видел.

— Ты прекрасно знаешь, что я говорю не конкретно о трусиках, а о том, что не всё сразу.

— Пани Стефания, дорогая! Вы так беспокоитесь обо мне! — обрадовалась я.

Пани Стефания отвела взгляд. Почапала к шкафу, достала маленькую коробочку, вытащила оттуда ожерелье.

— У меня нет дочери. А я всегда хотела. Надень это на свидание. К счастью. — Она протянула мне ожерелье. — Это памятная для меня вещица. От мамы осталась. Думаю, это было самое большое ее сокровище: она рассказывала мне, что когда-то давно ухаживала за одной женщиной, вроде как женой какого-то богатого фабриканта, который построил себе виллу рядом с домиком моих родителей. Потом случился большой пожар, и муж той женщины, кажется, погиб, а сама она осталась без средств к существованию. Мама приютила ее. Вскоре после того, как та женщина переехала к нам, оказалось, что она беременна, как и моя мама. Я не

знаю точно эту историю, знаю только, что ребенок у той женщины умер, и она с такого большого горя утопилась где-то в прудах Стефанского. От нее осталось это ожерелье, нитка жемчуга и еще какая-то мелочь. Это единственные ценности, которые у нее были. — Она взглянула на ожерелье, погладила его. — Я бы хотела, чтобы оно осталось у тебя. Навсегда. На удачу. Передай его потом своей дочери.

— Спасибо, — крепко обняла я ее. — Но я не уверена, что сегодняшняя моя встреча такая уж важная... Вряд ли.

— Не имеет значения. Когда-нибудь будет у тебя и самое важное свидание. Ты почувствуешь это. Наденешь, когда придет время.

*

В тот вечер время, видно, еще не пришло: свидание было самым рядовым. Кино, потом прогулка, невинный поцелуй на прощанье. Я не стала надевать полученное в подарок элегантное украшение. Не случилось мне надеть его и в последующие два года, когда я встречалась с Марекком. Может быть, даже и okazji были вполне подходящими, только они не казались мне достаточно торжественными, чтобы ожерелье пани Стефании могло украсить мою шею.

5

После каждой встречи с Марекком я возвращалась все более ошеломленная и все более влюбленная. Я решила, что судьба специально свела нас сначала на беговой дорожке, а потом и вообще по жизни. Марек был архитектором, у него было довольно процветающее архитек-

турное бюро, и он как раз искал сотрудника. Могло ли быть лучше? После нескольких вечеров, проведенных вместе, первых застенчивых поцелуев и все более смелых ласк мы оба знали, что хотим проводить как можно больше времени друг с другом. Вот он — мой мужчина на всю жизнь! Но разве мы можем знать точно, что тот, кого мы сейчас любим, дан нам навсегда? И разве это зависит только от нас? Мы мало что понимаем, когда любим. Он совершенно меня околдовал. На работе и за стенами офиса. Уже через две недели после того, как он догнал меня в лесу, я поступила на работу в его бюро — вела документацию и заодно училась на опыте лучших. А в том, что архитектор Марек Венцлавский был лучшим, я не сомневалась. Лучшим во всех отношениях. Ах, как же я тогда была влюблена!

К сожалению, пани Стефания не поддерживала меня в моем увлечении. А разве она должна была?

*

Да ей и не нужно было разделять мой жизненный выбор — у нее был свой собственный, о котором я, честно говоря, не имела никакого представления. У меня был Марек, и она о нем знала, но кто-то появился и у нее, но я о нем не знала ничего.

Как-то раз она сказала мне, что к ней приходил один очень важный для нее человек. Она была буквально как на крыльях. Кажется, я тогда не придавала этому значения. Может, мне стоило расспросить ее поподробнее? Может... Но увлечение Марекком было таким, что я не могла думать ни о чем другом, кроме как о нашей любви.

Потом иногда в ее разговоре всплывала информация, что в выходные у нее гость. Мне это было на руку, потому что освобождало меня от угрызений совести, что я не приду ее навестить. Впрочем, никакой такой

железной обязаловки навещать ее у меня не было, да и сама она никогда этого от меня не требовала.

Конечно, следовало расспросить поподробнее, что это за гость, но как-то все было не до того. Может, потому, что однажды она упомянула о дальней кузине из Варшавы, которая иногда приезжала к ней, и я была уверена, что именно она навещает пани Стефанию?

Короче, я не спрашивала.

Сейчас мне кажется, что она прекрасно меня знала, в то время как я о ней не знала почти ничего.

*

Первая встреча двух самых важных в то время для меня людей прошла в не слишком благостной атмосфере.

А дело было так. Пани Стефания подарила мне секретер. Небольшой, старой работы, темно-коричневый, с богатой резьбой, с множеством потайных ящичков. Видимо, он еще помнил времена ее родителей. В Гданьск его привезли из-под Лодзи. Я знала, что пани Стефания родом откуда-то оттуда, но не думала, что могло что-то остаться из ее семейного имущества. Так вот, оказалось, что осталось — этот миленький секретерчик со множеством полочек и ящичков. Я ласкала его взглядом, гладила ладонью — была от него в восторге.

— Он твой, — сказала пани Стефания. — Я счастлива, что ты наслаждаешься им так же, как и я когда-то, давным-давно. За ним было написано столько писем...

— Вы писали на нем письма?

— Писала. И моя мама тоже. Как будет немного больше времени, я тебе расскажу. Давнишняя история, запутанная, которую я сама узнала совсем недавно. — Она тяжело вздохнула. — Попроси Марека, он поможет перевезти его к тебе. Одна не справишься. Да и я, кстати, наконец-то с ним познакомлюсь. — И она улыбнулась.

Действительно. Я встречалась с Марекком уже полгода, а еще не было случая представить его, можно сказать, самому близкому мне человеку.

Я сразу же позвонила ему.

— Марек, я получила подарок от пани Стефании. Не помог бы ты мне перенести его домой, сегодня? — спросила я.

Марек не смог сделать этого ни «сегодня», ни «завтра», ни «через неделю». Постоянно что-то случалось. Я помню, что первый раз мы поссорились именно из-за этого. Я хлопнула дверью, сказав, что если он не поможет мне, то я найду себе другого помощника. Он выбежал за мной из офиса, обнял на пороге:

— И ты допустишь, чтобы на пути к нашему счастью встала какая-то рухлядь?

— Это не рухлядь, — сердито сказала я. — Это прекрасный старинный секретер. С душой!

— И с миллионом паразитов, — ехидно добавил он.

— Я же сказала тебе, что справлюсь сама, без тебя. — И вырвалась из его объятий.

Однако он увязался за мной.

— Ладно, поехали, — сказал он, доставая ключи от машины. — Разберемся с этой твоей мебелью. Если тебе это так важно.

А мне было важно. Очень даже важно.

— Это здесь? — удивленно спросил он, когда мы подъехали к дому-волне пани Стефании.

Он поморщился при виде разрисованного лифта. Я сделала вид, что не заметила. Решительно не хотела этого видеть.

*

Дверь открыла улыбающаяся пани Стефания. На устах улыбка, а глаза внимательно следили за Марекком. Я почувствовала какое-то напряжение в ее взгляде.

— Ну и где та рухлядь, которую мы должны забрать? — спросил он деланно шутливым тоном.

Пани Стефания подняла брови.

— Рухлядь? — спросила она.

— Ну, этот стол, — поправился Марек.

— Секретер. — Я попыталась спасти ситуацию.

— Вещь антикварная, девятнадцатого века, — уточнила пани Стефания. — Очень ценная для меня. И я уверена, что Зося тоже ее оценит.

— Пани Стефания, разве могут быть хоть какие-нибудь сомнения по этому поводу? — спросила я.

— Никаких, — отрезала она, вызываясь глядя на Марека.

Тот, не говоря ни слова, схватил секретер с одного края, скомандовал мне поднять его за второй, и мы двинулись прямо к приоткрытой двери. Когда мы вышли из квартиры, я вернулась к пани Стефании.

Она стояла и молча провожала нас взглядом.

— Пани Стефания, дорогая, он не всегда такой, — пыталась я оправдать Марека.

Она по-прежнему ничего не говорила, только кивнула. Обняла меня и поцеловала в макушку.

— Пока, дорогая. Надеюсь, секретер будет у тебя красиво смотреться.

— У меня и место есть для него, — улыбнулась я. — Наверняка впишется.

*

Выйдя от пани Стефании, Марек молчал. Однако, к моему удивлению, меня это ничуть не беспокоило: меня не интересовало его мнение о ней. Зато огорчало мнение пани Стефании о Мареке.

Что ж, все в жизни не может быть идеальным. Я хотела наслаждаться подарком, но Марек постоянно пытался испортить мне эту радость.

— Как мы это — даже не знаю, как это назвать, — погрузим в машину? Ведь оно того и гляди рассыпется в труху. Не проще ли сразу выбросить?

— Марек. Я действительно надеюсь, что ты это не серьезно.

Он посмотрел на меня с упреком.

Видимо, все-таки он говорил серьезно.

— Так, эту тему мы закрываем, — решительно мотнула я головой. — Я хочу, чтобы этот секретер стоял в моей комнате. Всё.

— Ясно, — смирился он. — Разве я что-то имею против?

Он ничего не говорил. Но иногда можно молчать, и все равно все будет понятно.

*

Тут, что называется, нашла коса на камень. И что интересно: без видимых поводов. Пани Стефании не нравилось, что я так сильно влюблена. Она опасалась, что если я высоко порхаю, то падение на землю будет очень болезненным. Мареку тоже не нравилась моя дружба с пожилой пани.

— У тебя что, совсем нет подруг? И тебе обязательно ходить к этой... — спросил он, когда в одну из сред я наотрез отказалась от встречи с ним, потому что меня ждал ужин и чай с пирожным у пани Стефании.

— Есть у меня подруги, и никакая она для меня не «эта», а пани Стефания, и она очень для меня важна.

— Честно: чего не понимаю, того не понимаю, — пожал он плечами. — Она ведь не твоя родственница.

— Не моя. Но если подумать, она сделала для меня больше, чем родная мать. Если бы не она, наверное, я не стала бы архитектором...

— А кем тогда?